

Россия — 2004 — 24-30 июня — 21

Римма Казакова ведет борьбу и пишет стихи на коленке

Беседовала
Марина Полякова

В 1991 году вместе с развалом СССР исчез с культурной карты и Союз советских писателей, на обломках которого в России возникли многочисленные, нередко конфликтующие писательские организации. Пострадал от политических коллизий и могущественный Литфонд, который, однако, всеми силами пытается сохранить хоть часть прежнего имущества. Сегодня из-за неутраченных уже десятилетие хозяйственных и идеологических споров ситуация достигла кризисного накала. О причинах конфронтации писательских организаций рассказывает поэт Римма Казакова, первый секретарь Союза писателей Москвы и председатель Международного Литфонда.

Римма Федоровна, как могло произойти, что Союз писателей Москвы выдворяют из так называемого Дома Ростовых?

— Наша писательская организация возникла в августе 1991 года как единство людей, которые поддержали новую, демократическую Россию, а в январе 1992 года уже был оформлен устав союза. Таким образом, на территории особняка на Большой Поварской улице (Дом Ростовых), который был дан в пользование всем московским писателям, наша организация обосновалась первой. Но Международное сообщество писательских союзов (главой которого является Сергей Владимирович Михалков) вроде бы располагает правом на аренду особняка, хотя эта организация и возникла позже нашей. Сейчас у МСПС в пользовании огромное пространство — около 2000 кв. м они сдают коммерческим структурам, а 1000 кв. м отведены для их деятельности. У нас же около 90 кв. м, хотя в нашем союзе состоят две с половиной тысячи писателей. На днях, вернувшись из Белоруссии, я узнала, что наши вещи выброшены из комнат, там идет ремонт. Мы намерены подать заявление в прокуратуру и милицию.

— Кто же все-таки хозяин Дома Ростовых?

— Как нам сообщили в Регистрационной палате, особняк не является собственностью МСПС. Этот дом — федеральный памятник культуры, и деньги, получаемые МСПС от многочисленных арендаторов, должны идти в бюджет государства. Тем более что организация С.В. Михалкова никоим образом не является правопреемником Союза советских писателей.

— Насколько я знаю, вопрос о правопреемниках пока не решен.

— Правопреемника нет вообще. Решением сначала Городского, потом Арбитражного, а потом и Верховного суда РФ (МСПС отказано в правах наследования. И почему эта виртуальная организация, «союз союзов», большинство членов которой живут за пределами России, имеет большую площадь и большие права, чем мы, объединившие две с половиной тысячи писателей? Ведь члены нашего союза — Ахмадулина, Вознесенский, Искандер, Васильев, Бакланов, Жванецкий, Розовский, Роцин, Шмелев и другие известные литераторы...

— При том, что вашей организации и вам лично приходится вести затяжную войну, вы ведь еще и литературными делами занимаетесь...

— Да, на 90 кв. м мы каждый год проводим совещание молодых писателей (в этом году пришлось отложить из-за моей болезни); у нас работают пять литературных гостиных, мы издаем журнал «Кольцо А», у истоков которого стояли Окуджава и Нагибин и который хорошо бы сделать не альманахом (с выходом раз в четыре года), а настоящим журналом. Ежегодно присуждаем премию «Венец», уже человек тридцать ее получили. Премия немалая.

— А откуда берутся деньги?

— Ну, у нас все-таки неплохие (как нам всегда казалось) отношения с московским прав-

ительством, оно нам помогало, давало какие-то деньги. Первым нам помог Павел Павлович Бородин — просто пригласил на прием и откликнулся на наши нужды. Потом нам помогал Геннадий Валентинович Дегтев. А вот Юрий Михайлович Лужков меня еще ни разу не принял и не выслушал.

— Он отказал вам в аудиенции?

— Да тут беда только в том, что до Бога высоко, до царя далеко. Мы даем паническую телеграмму Лужкову — а она оказывается у помощника, и реакции никакой. Мы пишем президенту — реакции нет. И только когда писатели, живущие за рубежом (Юрий Дружников, Борис Кушнер, Владимир Прудоминский и другие), написали Путину, было дано указание, и нам как бы помогли: предложили помещение в конце Шелепинского шоссе... куда наши старые писатели просто не доедут! И более того, там располагается какая-то фирма, которую мы сами должны выселять!

— Но в конце концов, по зрелому размышлению, мы все-таки решили, что союз мы сохраним. Поднимем на ноги общественность, обратимся в суд — подадим иск по поводу правопреемства, ведь Дом Ростовых все-таки не предназначен для того, чтобы в нем находились организации.

— А возможен ли такой путь — союзы объединяются в одну организацию и больше ничего не делают?

— Да вроде бы Сергей Михалков и призывает всех объединиться... Я хорошо к нему отношусь, потому что он прошел через всю мою жизнь и во мне осталось необходимое чувство признания к нему, хотя того, что он делает, я принять не могу. Он всегда приспосабливался к обстоятельствам и служил всем правительствам — это факт, но мне не дано право судить его. Он автор нашего гимна (который, кстати, мне совершенно не нравится), всеми уважаемый человек, и вот эта непроницаемость его имени становится преградой для решения очень простых вопросов. А что касается воссоединения... В уставе нашего союза записано, что мы против экстремизма, ксенофобии, шовинистических призывов. И если бы мы воедино, но с кем сливаться? Допустим, газета Московского отделения Союза писателей России «Московский литератор» — антисемитская и антигуманная, объединяясь с такими людьми мы не можем.

— Римма Федоровна, вы также являетесь председателем Международного литфонда, вокруг которого сейчас идет нешуточная борьба. В чем, по-вашему, корень всех бед?

— Основные баталии разворачиваются вокруг литфондовских дач. Людей, которые мутят воду для того, чтобы под шумок приватизировать дом в Переделкине, мы так и называем — «дачники». Вот Евгений Сидоров, который был раньше нашим министром культуры, захватил второй этаж своей литфондовской дачи, выгнав оттуда вдову А. Кешокова. Когда я спросила, зачем же он это сделал, то услышала: «У меня большая библиотека, и сын женился». А ведь дачи писателям дают не для этого! Ну что же с

Фото из архива газеты «Россия»

ними со всеми произошло? Люди надеются приватизировать литфондовские дачи, а потом что, продать?

— А почему В.Ф. Огнев, бывший председатель Литфонда, и его группа поддержки оспаривают законность вашего избрания на этот пост?

— В 1997 году председателем Международного литфонда избрали В.Ф. Огнева, а в 2002 году члены президиума Огнева с этого поста уволили из-за поведения, несовместимого с занимаемой должностью. Очень многое в его поступках вызвало негативное отношение к нему даже у тех людей, которые избирали его и верили ему. Но те, которые избираются вокруг Огнева, доказывают, что он до сих пор является председателем Литфонда. Это юридическая «липа»!.. Я, возможно, плохо разбираюсь в юриспруденции, но знаю, что

все, что сплотилось вокруг Огнева, — «дачники». Когда меня избрали на этот пост вместо Огнева, я сделала заявление: «Ни сейчас, ни потом я не буду претендовать на дачу в Переделкине».

— Конфликт затягивается?

— Три раза наши противники захватывали помещение правления Литфонда, делали фальшивые печати, снимали деньги со счетов, выплатили из кармана организации 3 000 000 руб. Они врут, что мы ничего не делаем, а мы оказываем материальную помощь вдовам, ветеранам, даем ежегодные стипендии. Есть инвесторы, которые готовы вложить деньги в преобразование Переделкина, можно сделать его культурным центром. Но все эти планы разбиваются о тупое противодействие «дачников»... Сейчас наше дело рассматривается в Верховном суде. Когда меня избирали, я сказала:

У Леонардо да Винчи есть изречение, которое стало одним из моих жизненных кредо: «У кого есть силы идти к источнику, тот не должен идти к кувшину»

«Подождите, председателем еще нужно стать». Но потом я поехала по республикам, поняла, что меня знают, очень хорошо везде принимают, а это хорошо для Литфонда. Я поняла, что я — на месте, что я могу что-то сделать.

— Мне даже немного обидно, что приходится с вами, поэтом, говорить об общественных делах, о скляках и безденежье. У вас остаются время и силы на стихи?

— А мне не кажется, что для стихов нужно выделять особое место и время, я не считаю, что сочинение стихов — работа. Когда что-то тебя завело — событие, мысль какая-то, то можно где угодно присесть и на коленке в блокноте стихи написать. Что-то, а коленка всегда найдется, она — мой стол и моя пишущая машинка. Я очень долго не могла понять, что это мое истинное призвание, занималась международной публицистикой, общественной работой, но все-таки к зрелым годам я поняла, что высшими силами предназначено мне писать стихи. И более того, молодым поэтам я говорю, что это — миссия, и если у вас есть такой дар, то нужно его развивать. А для этого нужна какая-то школа.

Когда я приехала в 1969 году из Хабаровска на всероссийскую поэтическую дискуссию в Ленинград и меня познакомили с Виктором Боковым, который сказал: «Девочка, мне очень нравятся ваши стихи, но признайтесь, на вас очень влияла Марина Цветаева», я спросила: «А кто это?»

— Вы действительно тогда не знали Цветаеву?!

— Да откуда же, милая моя, мне было ее знать? Когда ее начали печатать? Мне в Хабаровске старик Иванов, в прошлом белоэмигрант, хороший писатель, рассказывал о Цветаевой, о Мандельштаме, но читать-то их я тогда не могла! Я училась в ту эпоху, когда Есенина считали кулацким поэтом, а Блок был просто одним из символистов. А почему я писала похоже на Цветаеву — в России сам воздух рождает подобные настроения, и я тем же миром мазана. Но все же, хоть темперамент у меня скорее цветаевский, чем ахматовский, я не держусь за великие имена. Вот меня сын ругает за то, что я училась не у Хлебникова, а у его учеников — Слуцкого, Вознесенского. Нет, я читала Хлебникова, но он меня не трогает так, как тот же Вознесенский.

— Римма Федоровна, как вы относитесь к творчеству вашего сына Егора Радова, который пишет в духе постмодернизма?

— Ну, он себя к постмодернизму не относит. Я читаю, конечно, его романы. Правда, в первой его книге «Змеесос» я мало что поняла, но это, видимо, возрастное. А в юности Егор писал вполне реалистические рассказы и, думаю, когда-нибудь он к реализму вернется. Мой сын — человек, которого я уважаю. У него твердые взгляды, он трудолюбив. И хоть критики его ругают — читатели читают. Но пока в его романах я нахожу лишние длинноты и сложные философские построения. Вот одна моя подруга прочла роман Егора «Суть» до середины, а дальше не смогла — тяжело. Ну нельзя, чтобы чтение романа превращалось в тяжелую работу, роман должен затягивать, не отпускать.

— У вас, таким образом, складывается писательская династия...

— Вот у актеров — сплошь и рядом династия, а у писателей это редкое явление, по наследству не передается. Я знаю многих писательских детей, которых запикивали в Литера-

турный институт, но из них так ничего и не получилось. Хотя, конечно, то, что Егор вырос в семье двух писателей, свою роль сыграло. И я всегда позволяла ему себя критиковать, говорить правду. Однажды он застал меня за чтением сборника «День поэзии» и сказал: «Тебе, мамочка, не хватает культуры, у тебя ж нет образования литературного, давай я тебе лучше Рембо прочитаю по-французски. Ты французского не знаешь, а переведен он у нас очень плохо, но я тебе растолкую». У Егора-то как раз прекрасное литературное образование, он по делу учился. Кроме того, я ему обязана тем, что знаю музыку, которую очень долго топтали и отрицали в нашей стране: «The Beatles», «Queen», «Kiss», «Rolling Stones», Боун, молодого Гребенщикова... Все это я слушала, и ничто во мне не «нарушилось», все было интересно.

— Скажите, а нет ли у вас сожаления о чем-то не сделанном? Не думаете ли вы, оглядывая жизнь: «На этой развилке я бы пошла в другую сторону»?

— Я всегда шла «по-другому», но приходила куда нужно. У Леонардо да Винчи есть изречение, которое стало одним из моих жизненных кредо: «У кого есть силы идти к источнику, тот не должен идти к кувшину». И я всегда шла к источнику. Что меня дернуло, двадцатидвухлетнюю девочку, бросить Ленинград, квартиру и уехать на Дальний Восток, какая сила? А меня ведь рекомендовали в аспирантуру стран Латинской Америки, останься я — и жизнь сложилась бы иначе. Но я хотела испытать все на себе! И подарила себе блестящую юность. Голодную, нищую, с двумя платьями. Но там, на побережье Охотского моря, я узнала жизнь и замечательных людей. Там каждый акушер значил больше, чем дипломированный врач здесь, там нельзя быть плохим человеком, плохим товарищем.

— Вы говорите о том, что прожить на литературные заработки сейчас очень сложно. Но вам помогает то, что вы пишете песни...

— ...Для Малинина, Серова, Софии Ротару, для групп «Стрелки» и «Белый орел», написала я песню и для Бедроса Киркорова. Я этим занимаюсь с любовью, как и стихами.

— И это замечательно, ведь тексты, которые звучат со сцены, в основном бездарны. Куда подевались поэты-песенники?

— Они просто стали не нужны. Поп-певцы в основном сами пишут себе тексты песен. «По воле бурного течения / Корабль несло на край мышления», — пела Ольга Кормухина. Чего, куда?.. «Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже...»

— Римма Федоровна, сейчас вы перенесли сложную операцию, трудно ли было найти деньги на нее?

— Я хочу рассказать о тех, кто мне помог. Мы работали с Игорем Крутым, потом наша творческая пара распалась, но это бывает. Мы не общались долгие годы, потом я заболела и не знала, где взять несколько тысяч долларов на операцию. Но моя подруга Оля Молчанова, ведущая программы «Шире круг», по своей инициативе обратилась к некоторым коллегам: Крутому, Серову, Лещенко, Ярославу Евдокимову... Они просто выплатили из кошелька по тысяче долларов, что и явилось первым шагом в решении вопроса. Они согрели мою душу своей заботой, мне так хочется сказать им спасибо!

— Хороших людей больше, чем плохих? Или вы просто светло смотрите на жизнь?

— При всех неприятностях я могу сказать: я — человек счастливый. Я не задумываюсь отдаю тепло, дарю, делюсь. И мне платят тем же. Я не впадаю в уныние, не склонна к депрессии, а в случае неприятностей прежде всего задумываюсь о том, как отвести беду.

Слова

Татьяна Кузовлева, поэт, главный редактор журнала «Кольцо А»:

— Знакомы мы с Риммой Федоровной уже давно — с 60-х годов. Я всегда относилась к ней с уважением, как к поэту масштабно, занимающему свое, определенное место в русской литературе. Мне чрезвычайно импонируют ее умение принимать решения, готовность оказать дружескую поддержку, ее энергичность и способность так организовать дела СПМ, что мы (при катастрофическом отсутствии денег) все-таки вручаем премию «Венец», проводим совещания молодых писателей, словом, работаем. В общем, я отношусь к Римме Казаковой с любовью!